

чись его публикация при жизни писателя. Ведь если левые обвиняли в пародии на Чернышевского, то не менее левый Тынянов прямо заявил: *«Опискин — характер пародийный, материалом для пародии послужила личность Гоголя»*. Вот так — без стеснения и страха — приживется, главное — сказать. И уж конечно, после такой декларации отступать некуда: следуют цитатные нагромождения, парадоксальные выводы (не лучше уже приводимых для примера), лишь бы застолбить: Опискин — пародия на Гоголя. Невольно задаешься вопросом: да зачем же и понадобилось так-то затягивать в липовый узел? Или — программа-минимум? Есть, есть в этом и от программы — действительно, есть! И раскрывает это сам же Тынянов:

*«Когда говорят о “литературной традиции” или “преемственности”, обычно представляют некоторую прямую линию, соединяющую младшего представителя известной литературной ветви со старшим... Нет продолжения прямой линии... Всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов»*.

И только теперь становится понятной и программа-максимум: *«весь мир насильно мы разрушим»*. Установка действительно партийная, направленная на разрушение преемственности, национальных традиций или идеалов. И вся теория строится так, чтобы в данном случае Достоевский пародировал Гоголя, тем самым разрушая и его — и себя. Пародия — разрушение. Целенаправленной пародией можно и личность свести на нет.

В данном случае «пародией» вбит клин между Гоголем и Достоевским. Достоевский был призван разрушить личность Гоголя — стоило лишь целенаправленно использовать его могучую силу... Однако не «разрушение», а продолжение и развитие традиций следовало бы исследовать на примере произведений этих двух национальных гениев.

Да, не все в «Выбранных местах...» нравилось Достоевскому, но

было бы удивительнее, если бы все — нравилось. Ведь Достоевский уже в то время жил своим «Дневником», своим индивидуальным публицистическим словом, тем самым продолжая и совершенствуя Гоголя. Общественная мысль русских писателей XIX века удивительна во времени — присутствует дыхание вечности. Не все в «Выбранных местах...» нравилось, и не только Достоевскому, но это — тогда, а вот сегодня, полтора столетия спустя, мы с трепетом и замиранием сердца начинаем заново открывать и Гоголя, украденного у нас Гоголя. И нам его еще предстоит открыть. Гоголь вместе с нами пережил нашу трагедию, как, впрочем, и Достоевский, они воистину страдальцы нашего времени.

И еще об одном упоре Тынянова. Он пишет: *«Враждебность Достоевского к “Переписке с друзьями...” нимало не объясняет его же пародии на нее, так же как и отношение к Гоголю не разъяснит нам пародию на его характер»*. Кстати, исследователю нужно было бы вот это и объяснить, а не отделяться многозначительностью слов. Для примера — «враждебность». Прием не нов, черный прием: столкнуть, разъединить. А ведь враждебности по отношению к Гоголю у Достоевского никогда не было. Зато посеянное зло дало приплод. Не говоря уж о литературоведах определенного направления, даже стихотворец Вознесенский так весь и дышит ненавистью к Гоголю. Он даже в гроб к Гоголю влез, чтобы и оттуда извлечь глумливую метафору — нечто от современного мародерства.

Ю.Лотман уже в начале известной статьи отмечает: *«По мнению Ю.Н. Тынянова, в повести (“Село Степанчиково...”) пародируются не только отдельные формулировки и идеи “Выбранных мест из переписки с друзьями”, не только стиль этой книги, но литературная позиция и манера поведения Гоголя»*. И далее автор вовсе не упоминает Гоголя, находит и другие аналогии и влияния на Достоевского в связи с «Се-